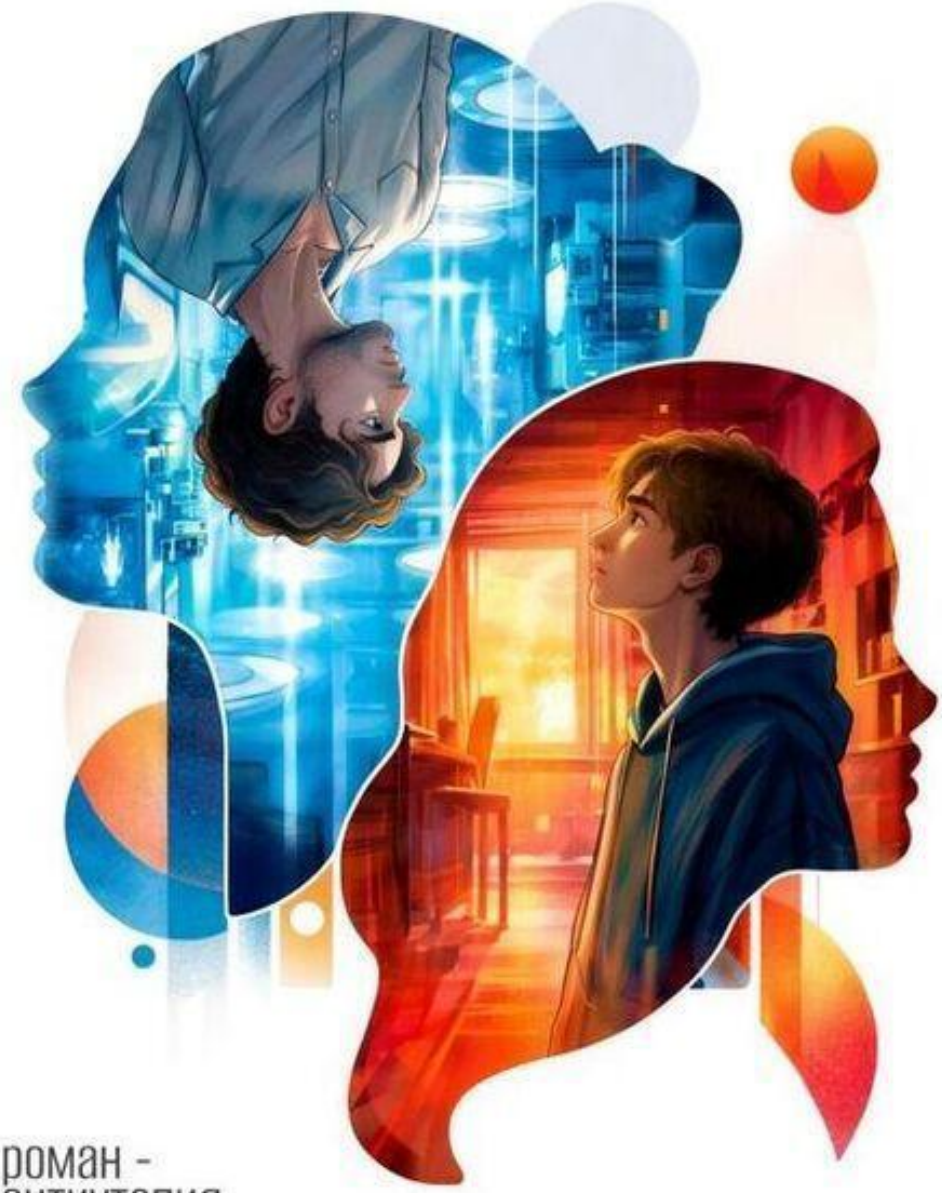
12+

ты ведь никогда
не видел снов

с чего ты взял,
что это один из них?

роман -
антиутопия

ИСКРЕННОСТЬ НАСТОЯЩЕГО

кирилл
орлов

Кирилл Орлов

Искренность настоящего

«Издательские решения»

Орлов К.

Искренность настоящего / К. Орлов — «Издательские решения»,

Майк Митчелл никогда не видел снов — до аварии, после которой он просыпается в больнице и узнаёт, что прошло семь лет.Мир стал спокойнее, добрее и правильнее, будто каждый нашёл своё место. Майку хочется верить, что так и должно быть, — ведь близкие ждали его все эти годы.Но что, если мир слишком идеален, а его стерильность — не выбор людей, а навязанные правила?Через страх, любовь и предательство Майку предстоит ответить: что важнее — жизнь без ошибок или право оставаться собой?

© Орлов К.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 10
Глава 3 13
Глава 4 16
Глава 5 18
Глава 6 20
Глава 7 23
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Искренность настоящего

Кирилл Орлов

© Кирилл Орлов, 2026

ISBN 978-5-0071-5184-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Для Майка утро никогда не начиналось с обрывков воспоминаний о полетах или страшных монстрах. Его сон всегда был похож на щелчок выключателя. Вечером свет гаснет — темнота — потом свет загорается, и наступает утро. Он завидовал тем, кто просыпается с воспоминаниями об интересных историях, а у него постоянная пустота.

Утро в окрестностях города почти всегда начиналось одинаково: свет не вспыхивал резко, а медленно просачивался между домами и отражался в окнах соседних зданий. Майк всегда закрывал шторы перед сном, чтобы первые лучи солнца не будили его раньше времени.

Он открыл глаза и выключил будильник. В голове, как всегда, было кристально, пугающе чисто. Никаких снов.

Майк полежал еще минуту, глядя в потолок и осознавая, что наступило утро и скоро он снова пойдет на учебу. С кухни доносился привычный шум: мама ходила по дому, готовила завтрак и слушала новости.

В комнате Майка всегда был хаос — его личный, безопасный. В тонком луче света кружилась пыль; на столе — учебники вперемешку с фантиками и кружками. Он машинально подумал, что надо бы прибраться, но тут же отогнал эту мысль, встал и вышел из комнаты.

На кухне пахло растворимым кофе. Стол был занят наполовину завтраком, наполовину — конвертами и неоплаченными счетами.

В этом тесном, но уютном пространстве постоянно шла борьба за власть между порядком и бардаком, а все предметы дышали хронической нехваткой времени. Поверхности старенького кухонного гарнитура были тщательно протерты, но на металле раковины все равно тускло поблескивали высохшие капли воды от наспех вымытой посуды с вечера. На плите стоял чистый чайник, однако вокруг одной из конфорок въелось потемневшее пятно от сбежавшего молока. Мама уже сидела за столом, и, заметив сына, тут же принялась намазывать тосты ягодным вареньем, которое им передала соседка.

Миссис Митчелл была невысокой и тонкой — из тех женщин, у которых усталость держится не на лице, а в плечах. Она собирала волосы в пучок на ходу, перед зеркалом задерживаясь ровно на то время, чтобы не выглядеть совсем разбитой. Макияжа не было, только бледная кожа и тени под глазами, которые прятать было бесполезно.

На ней, как всегда, была чистая блузка под кардиганом и выглаженные брюки. И всё равно Майк видел на рукавах упрямые складки — следы утренней спешки, когда между плитой и квитанциями на столе она успевала лишь «провести утюгом», чтобы в их доме хоть что-то выглядело собранным.

— Доброе утро, милый. Я сегодня могу задержаться. — сказала мама, не поднимая глаз, и намазала джем так тонко, будто экономила на каждом движении. — Босс опять хочет, чтобы я переделала отчет за последний квартал, хотя сам вчера дал мне неверные данные.

— Мам… — Майк нахмурился, наливая молоко. — Он же просто сваливает на тебя свою работу!

Она на секунду замерла, посмотрев на стопку конвертов у края стола и тихо выдохнула:

— Я знаю, но счета сами себя не оплатят.

Майк видел, как она старается держаться из последних сил. После того как отец ушел (хотя Майк этого и не помнил), мама тянула всё на себе. Она старалась не жаловаться и не плакать, но сын замечал, как ей сложно. Он старался быть той опорой и поддержкой, от которой она наверняка отвыкла за долгие годы, но полностью снять с нее груз ответственности было не в его силах.

— Я тебе уже говорил, что могу найти подработку. Ты же знаешь, в пиццерии всегда требуются курьеры, — сказал он, хотя заранее знал ответ.

— Нет, — отрезала она. — Твоя работа — это учеба и тренировки. Понял?

Стипендия была их единственным шансом на нормальный колледж в будущем без долгов. На тренировках он выкладывался на все сто, и у него получалось — действительно хорошо получалось. Как бы ему хотелось, чтобы и учеба нравилась ему так же сильно! Он не был глупым, скорее немного ленивым, как большинство подростков, которые не понимают, зачем тратить время на бесполезную зубрежку, если в мире так много всего интересного.

— Тренер говорит, что я в хорошей форме, но сама понимаешь, какая конкуренция в команде…

— Эй, даже не думай сомневаться, у тебя есть характер. Твой отец… — она запнулась, отвела глаза, будто искала за чем можно спрятаться, но все же решила закончить: — Он был умным, но всегда уходил, когда становилось трудно. А ты… ты остаешься сильным.

Неловкая пауза повисла в воздухе, как и каждый раз, когда речь заходила об отце. Миссис Митчелл посмотрела на часы и резко встала.

— Черт, уже опаздываю. Так, ужин в холодильнике, но там только макароны. Прости, не успела больше ничего приготовить.

— Все нормально, мам, беги.

Когда дверь за ней захлопнулась, Майк быстро доел завтрак и пошел умываться. Зеркало в ванной отразило высокого для своих шестнадцати лет парня. Его худощавая, но жилистая фигура под футболкой выдавала спортивное телосложение. Русые волосы, растрепанные и непослушные, торчали в разные стороны; он безрезультатно попытался пригладить их рукой. Майк наклонился ближе к зеркалу, вглядываясь в свое отражение. Серые глаза зацепились за небольшую родинку на подбородке, которая отчетливо выделялась на светлой коже. Он улыбнулся себе, продемонстрировав ровные зубы, и пошел собираться.

Перед выходом он сложил всё необходимое в рюкзак, в последний момент вспомнил про наушники и обулся в поношенные кроссовки. Шнурки он затягивал едва-едва: ему никогда не нравилось, когда обувь плотно стягивала ногу, ограничивая свободу.

Пронизывающий ветер с залива сразу забрался под худи. До школы было сорок минут пешком: на проездном Майк экономил, да и лишнее кардио с утра не помешает. Он шел по крутым улицам, слушая музыку и наблюдая за городом. Мимо проносились дорогие машины, люди в костюмах спешили в кофейни за латте, который стоил дороже его обеда. Майк немного завидовал им, но понимал, что у него собственный путь.

Возле школы было шумно: ученики разговаривали, спорили, кто-то пытался дописать домашку прямо на коленях. Майк зашел в класс и бросил рюкзак под стол. Он никогда не был заядлым «ботаником», но занятия ему в целом нравились. Не нужно было заморачиваться и думать, что делать: просто ходишь по расписанию, иногда слушаешь что-то интересное, и день пролетает незаметно.

Первым уроком была история. Мистер Харрис монотонно бубнил что-то про Великую депрессию, расхаживая у доски. Майк снова поймал себя на том, что смотрит на Эмму. Она всегда слушала так, будто урок — это разговор один на один, а шумного класса вообще не существует.

Эмма привлекала к себе внимание не яркой внешностью, а той редкой, пронзительной искренностью, которая чувствовалась в каждом ее взгляде. Её приятные, мягкие черты лица и светлые волосы, свободно падающие на плечи, были лишь дополнением к главному — выразительным голубым глазам, в которых всегда читался острый ум и абсолютная нетерпимость к любой фальши. Майку всегда нравилось, что Эмма практически не пользуется косметикой. И дело было даже не в её очевидной природной красоте — для Майка это чистое лицо без грамма макияжа было символом того, что Эмма никогда не пыталась казаться кем-то другим. Она не пряталась за масками и всегда предпочитала честность, какой бы она ни была.

— Майк, — раздался ее голос после урока, — ты написал эссе по литературе?

— Я… в процессе, — соврал Майк и, пытаясь избежать лекции в свой адрес, добавил: — Кстати, отлично сегодня выглядишь!

Эмма чуть покраснела, но тут же вернула себе серьезный вид.

— Спасибо, но не надо врать. Ненавижу, когда люди лгут даже по мелочам. Если тебе нужна помощь — просто скажи.

Она посмотрела ему прямо в глаза, и Майку стало не по себе. Ее взгляд был слишком проницательным.

— Не начал. Можешь помочь?

— Ладно, но это только потому… — запнулась она. — Впрочем, неважно. Держи структуру и тезисы. Текст напишешь сам, иначе это уже будет не твое эссе. Это была чистая правда: никто из преподавателей не поверил бы, что Майк способен на такие глубокие размышления о морали и искренности, как Эмма.

— Спасибо, — Майк взял листы и почувствовал легкое разочарование.

— Тогда увидимся завтра, а то мне еще надо много чего успеть, — и она ушла, цокая каблуками. Майк продолжал смотреть ей вслед чуть дольше, чем обычно.

— Ты не поверишь! — Майк вздрогнул от неожиданности: его вырвал из мыслей голос друга Джея.

— Я вчера до четырех утра переписывал код для своего мода, — воскликнул Джей усталым, но радостным голосом.

Майк нисколько не удивился. Друг выглядел так, словно вообще не знал, что такое порядок. В его лице с острыми скулами и темными миндалевидными глазами угадывались азиатские корни. Густые черные волосы пребывали в состоянии вечного хаоса — верный признак того, что Джей снова полночи провел перед монитором. Одежда была под стать всему остальному: под свободной фланелевой рубашкой виднелась футболка с надписью «Error 404: Sleep Not Found». Джей никогда не отличался дисциплиной, которую прививают спорт или строгое воспитание, но Майк знал: если в мире и есть человек одновременно безответственный и гениальный, то он стоит прямо перед ним.

— Привет, Джей, — ответил Майк. — Ты же знаешь, что отсутствие сна вредит твоему мозгу, а это твой главный и, впрочем, единственный инструмент.

— Сон для слабаков и тех, у кого нет дедлайнов, — фыркнул Джей, и его глаза блеснули. — Зато теперь, если персонаж прыгает в воду, брызги летят по правильной траектории! Это искусство, дружище. Чистая поэзия! Но слушай, что было дальше. Я стою перед дверью и голос такой ровный: «Доступ ограничен».

Майк невольно замер.

— И знаешь, кто это говорит? — И, не дождавшись ответа, выпалил: — Мой отец! Он же вообще не знает слов «доступ» и «запрещено», всегда заходит ко мне без стука, будто у меня нет личного пространства. А у тебя, как всегда, ничего?

— Ага. Ты же сам знаешь, сны — не мое, — усмехнувшись, ответил Майк, хотя эта тема всегда была для него чувствительной.

Еще в детстве мама желала ему приятных снов, а утром спрашивала, что снилось. Он долго не понимал, что она имеет в виду, пока не набрался смелости спросить об этом.

— Ну, сны — это когда ты засыпаешь и тебе что-то мерещится. Ты видишь картинки, которые не происходят в реальности, — объясняла мама.

— Но я не видел ничего подобного, — отвечал Майк.

Это не было чем-то плохим, но мама все-таки решила показать его врачам, которые никогда ни о чем подобном не слышали. В итоге они просто смирились с происходящим. Майк так и остался жить с ощущением, что с ним что-то не так, и старался не обсуждать это с другими. Но поскольку Джей был его лучшим другом, тема иногда всплывала.

— Я вчера просто вырубился после тренировки, даже домашку по истории не доделал, — добавил Майк, заметив разочарование на лице Джея.

— Не переживай, история циклична, все равно всё повторяется рано или поздно, — махнул рукой Джей. — Слушай, мы сегодня собираемся вечером у меня, будем начинать новую кампанию. Приходи к восьми.

— Ладно, увидимся в восемь, — ответил Майк. — Хотя я могу немного опоздать после тренировки.

— Давай, без тебя не начнем, — бросил на прощание Джей и ушел.

Майк вошел в раздевалку, и резкий, уже почти привычный запах пота ударил ему в нос, мгновенно переключая мозг в боевой режим. Тренировки по американскому футболу были для него не просто хобби или отдушиной, это было для него поле боя, где каждый день приходилось доказывать свое право на место в основном составе. Он не был капитаном, но твердо удерживал свою позицию нападающего, при этом никогда не забывая, что в команде конкуренция дышит тебе в затылок: пара слабых матчей — и ты окажешься на скамейке запасных. Он хорошо относился ко всем товарищам по команде, но близких друзей среди них не было, так как он всегда помнил, что стоит идти своим путем и ни к кому не привязываться. Стоит показать хоть небольшую слабость, «И тебя сожрут и выплюнут» — как любил говорить их тренер.

Некоторые ребята уже вовсю разминались в тот момент, когда он вышел на поле. Майк поправил форму, поприветствовал всех и приготовился к двум часам непрерывной и сложной работы.

Во время тренировки пошел дождь, и небо над городом превратилось в сплошное свинцовое полотно. Трава под ногами стала скользкой, и в одном из игровых эпизодов, пытаясь перехватить мяч, Майк немного поскользнулся и был сбит с ног мощным блоком. Он повалился лицом прямо в грязь, и холодные, мокрые комья забили ему все лицо.

На секунду все замерло, и как же хотелось просто смириться с происходящим и остаться лежать на газоне, чтобы перевести дух хоть на несколько секунд. Но мама с самого детства приучала его к тому, что нельзя поддаваться слабости и после всех падений нужно подниматься, ведь только так можно добиться успеха.

Он резко, всего одним пружинистым движением, вскочил на ноги, стряхнул грязь с лица и бросился в гущу событий. Несколько секунд в погоне за соперником с мячом, захват в прыжке, который он отрабатывал уже сотни раз и мяч снова у его команды. Получать похвалу от тренера всегда было приятно, но этот раз стал особенным.

После тренировки дождь будто стал тяжелее. Майк, как всегда, чувствовал приятную усталость — тело ныло, мышцы были забиты, но на душе царило невероятное удовлетворение. Он шел по тротуару и думал о том, чтобы как-нибудь пригласить Эмму к себе на игру. Несмотря на то, что он наизусть отрепетировал кажущиеся ему глупыми слова, каждый раз, когда он пытался их сказать, все превращалось в бессвязную кашу.

Майк стоял на светофоре, чувствуя, как голод тянет живот, и пытался решить, хватит ли денег на что-то кроме макарон.

Телефон в кармане завибрировал. Наверняка Джей: «в восемь, не опаздывай». Майк даже не достал его — просто представил эту фразу и почему-то улыбнулся.

Загорелся зеленый. Он шагнул вперед на автомате, всё ещё держась за мысль об Эмме. Визг шин вырвал его из головы. Фары — слишком близко.

Майк едва успел осознать, что должно произойти. В голове мелькнула мысль: «Я не приду». Темнота накрыла мгновенно. И впервые за шестнадцать лет она была не пустой.

Глава 2

Сначала вернулся звук — ровный, монотонный, словно кто-то выключил вентиляцию и выкрутил мир на одну частоту. Он прислушался и не нашел привычных больничных «хвостов»: ни далеких голосов, ни шагов, ни кашля — будто стены глотали весь звук.

Следом пришел запах: не резкий больничный аромат хлорки и спирта, а странное благоухание чистоты, безликое, «как у новой техники». Воздух был слишком ровным: одной температуры, без сквозняка, без капли влаги.

Майк открыл глаза. Тело казалось тяжелым, но в то же время удивительно легким и послушным. Как ни странно, юноша не ощущал ни боли, ни малейшего дискомфорта.

Потолок оказался абсолютно белым. На нем не было ни единой трещинки, ни пылинки, ни даже намека на тень. Свет проникал в комнату отовсюду — ровный, рассеянный, не дающий взгляду зацепиться хоть за какую-то деталь.

Майк несколько секунд всматривался в эту белизну, пытаясь осознать свое местонахождение. Память с трудом начала подбрасывать картинки: дождь, светофор, дорога, визг тормозов и ослепительный блеск фар. Парень вдохнул. Воздух вошел в легкие свободно, никакой боли в груди не последовало.

Юноша огляделся. Палата была просторной и пустой. Мебель отсутствовала, как не наблюдалось и привычных мигающих приборов, капельниц или сплетений проводов. Лишь у подножия кровати возвышалась гладкая белая стойка без единой кнопки. Окна занимали всю стену, и за ними разливался рассвет.

Он оперся о матрас, сел и опустил взгляд на руки и сразу понял, что что-то не так. Ладони стали больше, а пальцы — грубее. Шрам бесследно исчез. Майк провел пальцами по подбородку. Щетина? Внутри щелкнуло… Сколько же я был без сознания?

В этот миг дверь отворилась, и в палату вошла девушка, чья внешность поражала своей безупречностью. Подобных красавиц Майк видел разве что на глянцевых обложках журналов, где цифровые кисти ретушеров безжалостно стирают любые человеческие изъяны. Кожа незнакомки казалась матовой, почти фарфоровой, лишенной каких-либо недостатков и даже малейших признаков усталости, обязательных для любого медработника. Слишком собранная для больницы: ни спешки, ни усталости на лице, ни лишних движений и суматохи. Традиционный белоснежный халат не висел на гостье мешком, как это обычно бывает; он сидел точно по фигуре, подчеркивая идеальную осанку и талию. Густые темные волосы были собраны на затылке в строгий, безупречно гладкий пучок — ни одного выбившегося локона. Она улыбнулась ослепительной улыбкой.

— Майк, — ее голос звучал так мелодично, что парень невольно представил ангела, — ты очнулся.

Он ждал обычного: «где болит?», «кружится голова?», «как дыхание?». Но вместо этого она сразу перешла к инструкции:

— Меня зовут Лилиан, можно просто Ли, — собеседница подошла к белой стойке и начала что-то нажимать на невидимой панели. — Я твой куратор и нахожусь здесь, чтобы помочь тебе пройти адаптацию.

— Что? — Майк поднялся и увидел отражение в зеркале на двери.

В этот момент паника начала подниматься в его груди. Изменения, произошедшие с телом, были слишком очевидны: лицо выглядело взрослее, и это пугало. Но в миг, когда он готов был поддаться страху, нечто внутри успокоило его разум. Будто внутри щелкнул тумблер. Это не было похоже на обычное усилие воли — скорее на холодную, идеально выверенную паузу, срезавшую панику под корень. Как будто на какую-то долю секунды его собственный мозг перестал принадлежать ему самому.

— Почему я такой? — спросил юноша.

— Потому что прошло семь лет с той аварии, Майк.

Слова повисли в воздухе. Не семь дней и даже не семь месяцев. Лет.

— Сколько? — он услышал собственный голос и не узнал его.

— Семь. Я понимаю, что это звучит невозможно. У людей после долгого бессознательного состояния часто есть путаница, провалы памяти, сильные эмоции. Мы будем объяснять по частям и повторять столько, сколько нужно.

Майк резко покачал головой, будто пытался вытряхнуть информацию. Табло, календарь, дата на экране, хоть что-нибудь, что станет подтверждением. Но ничего вокруг не было, только идеальная белизна.

— Я… плохо помню, кажется я шел по дороге.

— И это тоже нормально. Память может возвращаться кусками. У многих людей есть ощущение, что «всё было вчера». Это не значит, что вы сходите с ума. Это значит, что мозгу нужно время.

Семь лет. Информация не укладывалась в голове. Казалось, за это время прошла целая вечность, в которой мать постарела, а друзья окончили колледж, нашли работу или обзавелись семьями. Парень еще раз обвел взглядом помещение, надеясь отыскать календарь, способный подтвердить реальность происходящего.

— Где моя мама? — вопрос отозвался тупой болью в сердце.

— С ней всё в порядке, как и с твоими приятелями. Я уже отправила уведомление о твоем пробуждении.

Куратор снова коснулась белой поверхности стойки.

— Смотри!

Майк решил обуться и заметил рядом с кроватью пару обуви. Вещи напоминали кеды, но без намека на шнуровку. Он надел их и почувствовал, как стопа удобно разместилась внутри, однако возникло чувство дискомфорта — хотелось сделать их чуть свободнее, но обувь плотно облегала ноги. Юноша подошел к Ли и увидел с обратной стороны консоли планшет с графиками и проекцией человеческого тела. Очевидно, схема принадлежала ему, так как верхняя часть головы подсвечивалась красным цветом.

— Все показатели в норме, — продолжала Лилиан.

— А где аппараты и прочая техника? — Майк оглядел пустую комнату.

— Медицина шагнула далеко вперед. Мы отказались от проводов и громоздкого железа. Сейчас лечение проходит на клеточном уровне при помощи нейросетей. Твое восстановление курировали лучшие алгоритмы.

— Алгоритмы… — подумал он. — Интересно, почему тело развивалось, пока он находился в беспамятстве? Что вообще происходит с человеком в коме? На секунду парень вообразил, что если сознание замирает, то должны прекращаться и физические трансформации, будто он в криокамере. Но нет, это явно не так, иначе бы он не повзрослел. Тогда, по логике, следовало ожидать сильного истощения, ведь мышцы годами бездействовали, и сейчас его организм должен быть крайне атрофирован. Ли сказала, что медицина шагнула далеко вперед; возможно, в этом всё дело.

Куратор протянула тонкий белый браслет.

— Надень.

Майк застегнул и браслет сам стянулся до нужного размера, словно живой. На гладкой поверхности вспыхнули слова: *Добро пожаловать, Майк*.

Пульс: 92 уд/мин (Учащенный).

Артериальное давление: 128/78.

Уровень кортизола: 480 нмоль/л (Повышенный).

На мгновение Майк ощутил себя на месте матери, не знающей, как сделать скриншот или включить нужный режим. Неужели он теперь станет таким же беспомощным, как большинство взрослых?

— Хочешь прогуляться? — Ли слегка склонила голову. — Двигательная активность ускоряет нейронную адаптацию.

Майк посмотрел на дверь. Ему было страшно выходить в мир, где время утекло сквозь пальцы.

— Давай, — согласился он, — только когда приедет мама, обязательно скажи мне.

— Конечно, — пообещала куратор и улыбнулась так уверенно, будто это правило было высечено на каждой стене в больнице. — Здесь никто ничего не будет от тебя скрывать. А пока пойдем, я покажу тебе, каким стал мир, пока ты спал.

Майк кивнул. И почему-то подумал: а если все-таки будут?

Глава 3

Дверь бесшумно отворилась, по коридору шли люди — спокойно, слишком спокойно для больницы. Майк поймал себя на мысли, что ждёт хоть одной случайности: чтобы кто-то споткнулся, чихнул, уронил папку, повысил голос.

Ничего. Движения окружающих были тихими, плавными и удивительно экономичными.

— Страшно? — спросила Ли, заметив его заминку.

Он хотел ответить по привычке «нет», но что-то остановило юношу.

— Да, — произнес он, ощутив при этом странное облегчение.

Словно он сбросил с плеч тяжелый, невидимый груз, который таскал на себе годами.

— Если закружится голова или станет тяжело дышать, говори сразу, — ровно и негромко произнесла куратор.

В этом месте не требовалось повышать голос, чтобы тебя услышали; здесь не было даже намека на посторонний шум.

— Пока нормально, — ответил Майк. — Просто всё как-то непривычно, слишком плавно.

Следующая дверь открылась перед ними сама, стоило Ли лишь взглянуть на браслет. За ней раскинулся огромный холл. Здесь находилось множество людей: врачи, пациенты, посетители. Но вместо привычного гула голосов, шарканья ног и звонков стоял мягкий музыкальный шелест. Никто не бежал, не кричал и не жестикулировал. Собеседники общались дружелюбно, глядя друг другу в глаза, не отвлекаясь и не перебивая. Люди шли по идеальной траектории, словно видели ее заранее: никто никого не задевал, резко не останавливался, каждый знал свое место.

— Это центр адаптации, — пояснила Ли, заметив, как Майк стоит с открытым ртом. — Как физической, так и социальной. Здесь люди готовятся к возвращению в общество.

Парень посмотрел в центр холла. Там, у фонтана, вода в котором падала идеально ровными струями, не создавая брызг, сидела девочка лет десяти. Она держала в руках кубик Рубика. Майк ожидал увидеть долгие попытки сборки, но пальцы ребенка двигались с невероятной скоростью. Три секунды — и головоломка решена. Девочка даже не улыбнулась; она просто разобрала кубик и начала заново.

— Она тренирует мелкую моторику и пространственное мышление, — заметила Лилиан. — Это будущий инженер.

— Что? Ей же всего лет десять?! — голос Майка стал чуть громче, и он сразу поймал на себе несколько спокойных взглядов.

— Тише, Майк, — мягко осадила его Ли. — Сейчас общество сильно изменилось. Детей учат саморегуляции так же, как таблице умножения. Взвешивать каждый шаг, продумывать все наперед, управлять собой. Это просто навык, как в спорте. Тренируешься — и всё получается.

— Жаль, такому не учили в мое время, — вздохнул юноша.

— Теперь учат, — улыбнулась спутница.

Это казалось удивительным. Майк часто жаловался, что в школе преподают много бесполезных предметов. Их заставляли решать сложные алгебраические уравнения, но никто не рассказывал, как рассчитать налоги или оплатить счета. Им твердили о правильном поведении, но не объясняли механизмов самоконтроля. Рассказывали про далекие страны, в которых он ни разу не бывал, и преподавали историю, хотя он хотел бы знать, как жить в будущем, а не в прошлом.

Ли подвела его к панорамному окну во всю стену. Стекло было настолько чистым, что на мгновение показалось, будто между ними и улицей нет никакой преграды.

Город был таким чистым, что казался декорацией. Из него словно выкачали всю хаотичную, пульсирующую жизнь, и мир подчинился абсолютному порядку.

На улицах не было привычных огромных пробок. Машины внизу скользили бесшумно, сливаясь в единый поток, будто все автомобили были связаны невидимой нитью. Никто не превышал скорость, не перестраивался из ряда в ряд, чтобы выгадать секунду. Пешеходы на тротуарах казались такими же упорядоченными: никто не бежал за отъезжающим автобусом, не лавировал в толпе и не перебегал дорогу в неположенном месте. Все двигались размеренно, словно участники отрепетированной хореографии.

Майк скользил взглядом по фасадам и понимал, что исчез визуальный шум. Никаких спутанных проводов, никаких кричащих рекламных щитов. Ни единого брошенного стаканчика или клочка газеты. Город был вылизан до состояния глянцевой открытки. Парки теперь выглядели как строгие геометрические чертежи. Деревья стояли ровными колоннами, одинаковой высоты, с идеальными шарообразными кронами. Газоны резали глаза неестественно изумрудным цветом, а трава на них казалась подстриженной по лазерной линейке.

— Красиво… — произнес Майк и добавил: — Как на картинке.

— Ты прав, потому что мы убрали всё лишнее: грязь, шум, пробки, преступность. Видишь то стеклянное здание? Это центр развития потенциала. Люди больше не живут в трущобах и не бедствуют. У каждого есть дом, еда, работа и цель. Зачем тратить энергию впустую, если можно направить ее точно в цель?

— Слишком… правильно.

Майк вдруг понял, что в этом мире даже «случайно» не случается.

Вся прошлая жизнь приучила его к тому, что люди постоянно преодолевают препятствия. Он всегда надеялся, что когда-нибудь придет кто-то мудрый и скажет, что маме больше не нужно так много работать, что их маленькая семья не будет ни в чем нуждаться. Но Майк всегда считал это несбыточной иллюзией. Ведь всегда будут те, кто умнее или богаче, как будут и те, кому просто не повезло.

— Люди не нарушают правила, потому что те созданы для их блага. Зачем красть, если у тебя всё есть? Зачем убивать? Агрессия, бесконтрольные эмоции, спонтанность — это всё приводит к трагедиям. Вспомни свою аварию. Водитель нарушил правила, потому что спешил и был невнимателен. Хаос, который мы устранили.

Майк промолчал. С одной стороны, перемены впечатляли. Он никогда не понимал, зачем люди кричат или дерутся. Но что-то в этой безупречности не давало ему покоя. Возможно, к этому нужно было просто привыкнуть.

— Хочешь есть? — прервала его мысли Ли.

— Да, очень, — юноша внезапно осознал, насколько проголодался. — А здесь есть бургеры?

— Конечно, идем.

Ли коснулась браслета и повела его в сторону кафетерия, где пахло свежей выпечкой и кофе. Запах был едва ощутимым и очень ненавязчивым. Куратор взяла поднос с бургером и бутылкой воды. Еда выглядела идеально: ровный, аккуратный сэндвич, будто сошедший с рекламного плаката. Майк откусил кусок. Вкусно. Вкусно ровно настолько, насколько и каждый следующий кусок. Никакого лишнего соуса, пачкающего руки, ни одного выпавшего ломтика помидора.

Он посмотрел на соседний столик. Там сидела компания подростков, его ровесников. Раньше такая группа была бы источником шума на всё кафе. Эти же вели себя удивительно тихо. Один из парней что-то рассказывал, остальные внимательно слушали. Никто не смотрел в телефон, никто не перебивал. Они кивали, обдумывали услышанное и по очереди отвечали. Это напоминало совет директоров в телах тинейджеров. Они казались Майку слишком взрос-

лыми… слишком осознанными. Он ждал, что кто-то из них хотя бы случайно рыгнет или начнет хлюпать напитком, но не заметил даже намека на подобное.

Майк уловил обрывок фразы за соседним столом:

— Я не хочу, но так рациональнее.

От этой спокойной уверенности у него по спине прошел холодок и он сам начал жевать как можно тише.

— Майк, — Ли снова отвлекла его.

— Что? — ответил он, продолжая наблюдать за посетителями.

— Твоя мама… она приехала.

Он обрадовался — совсем скоро он увидит ее, настоящую, живую, любимую маму. Но в этот же миг парень поймал себя на пугающей мысли: он боялся увидеть, что она стала такой же, как все остальные вокруг — ровная, спокойная, «правильная». И самое страшное — часть его хотела этого. Хотела увидеть, что ей наконец легко.

Глава 4

Майк сидел на краю кровати, вцепившись пальцами в край матраса. Он ловил себя на том, что считает удары сердца — как будто проверяет, что он вообще здесь. Дверь открылась. Это была Ли.

— Ты как? Твоя мама уже в лифте.

Он кивнул. Слов не было, только зеркало напротив, чужое лицо взрослого, которое он еще не мог принять и разные мысли в голове.

«Сначала мама», — выдавил он внутри себя. Все остальные размышления потом.

Шаги в коридоре, и створка отворилась. Сначала вошла Ли, которая сразу отступила в сторону, а за ней — она. Его мать. Майк снова на миг забыл, как дышать. Мама изменилась. Он ожидал увидеть ее постаревшей за эти семь лет, но женщина выглядела… лучше. Пропала та усталость, которая, казалось, навечно въелась в ее кожу. Исчезли темные круги под глазами. Она не вбежала как обычно с вечно неуспевающим видом, а зашла спокойно, размеренно, будто заранее закончила все дела. Осанка выпрямилась, волосы были аккуратно подстрижены и уложены. Она не закричала, не бросилась к нему сломя голову, а просто сделала глубокий вдох.

— Майк… — голос ее слегка дрогнул.

Он хотел сказать что-то, сам не зная что. «Прости», «я скучал», но произнес только:

— Мам.

Она шагнула к нему и обняла. Крепко. Майк уткнулся лицом ей в плечо. От нее больше не пахло растворимым кофе, как прежде; юноша уловил лишь нежный цветочный аромат.

— Ты здесь, — шептала она, — ты живой.

— Да, мам, я здесь… и ты тоже, — выдохнул Майк, чувствуя, как слезы наворачиваются на глаза. Казалось, слова излишни. Ему достаточно было видеть ее — живую, здоровую, рядом, — а остальное не имело значения.

— Давай сядем, я хоть на тебя посмотрю, — с этими словами она опустилась на край постели.

Майк присел рядом и смог рассмотреть ее получше. В ней появилось больше аккуратности. Раньше она всегда грызла ногти от стресса, а теперь на руках красовался безупречный маникюр. Одежда казалась свежей и идеально выглаженной, он искал знакомые неразглаженные складки, но взгляд скользил по идеально ровной ткани. Он ожидал увидеть мать постаревшей, с сетью морщин, возникающих не только от возраста, но и от тревог. А теперь ему почудилось, что его отсутствие облегчило ей жизнь. Будто он был тем самым грузом, который она хотела сбросить все эти годы, чтобы начать жить для себя. Стало мерзко от этой мысли, и парень попытался выкинуть ее из головы.

— Ты помнишь аварию? — спросила она.

— Плохо. Помню, как в последний момент увидел машину, а дальше проснулся в этой палате, — ответил Майк, пытаясь вызвать в памяти кадры из прошлой жизни.

— Я так испугалась, ты долго не приходил в сознание. Врачи твердили, что нужно просто ждать. Я ждала — дни, потом месяцы. Долго не могла отпустить тебя и двигаться дальше. Но я всегда знала, что ты вернешься, всегда.

— Ты приходила?

— Конечно, я дежурила рядом сутками, а потом навещала тебя каждую неделю. Заглядывали и Джей, и Эмма.

Мысль о друзьях отозвалась в голове. Юноша предполагал, что у них давно своя жизнь, семьи. Он вообразил Эмму в белом платье, рядом чужой мужчина, ему нужно будет поздравить ее со свадьбой. Как поздравляют человека, которого ты упустил на семь лет? Сердце непри-

ятно сжалось. Наверняка у каждого свои заботы и им не до него. Но известие о том, что они навещали его, немного приободрило. Быть может, старые приятели всё же не забыли о нем.

— А как ты всё успевала? Как справлялась? Работа, дом, больница…

Мама улыбнулась.

— Знаешь, пока ты спал… жить стало как-то проще, — мама произнесла это осторожно, с легкой заминкой, словно сама еще не до конца привыкла к этим словам. — Лечение, страховки, бесконечные бумаги… Раньше всё это вытягивало жилы. А теперь… теперь всё иначе. Не нужно спорить, не нужно каждый день выживать. Тебе просто помогает система.

Майк невольно сжал матрас сильнее. Система. Мама никогда так не говорила. Раньше у нее были «начальник», «босс», «я сама».

— Мне не приходилось больше брать сверхурочные или трудиться в две смены, чтобы оплатить лечение. Медицина и многое другое теперь доступны каждому. Я перестала приходить домой и засыпать в рабочей одежде. Появились свободные вечера, выходные. Я даже начала рисовать, а по ночам стала крепко спать и высыпаться.

Майк пытался представить свою мать за мольбертом и не мог поверить, что она занимается любимым делом.

— Ты выглядишь… отдохнувшей, — признал Майк. — Я рад за тебя, честно. Я боялся, что ты… — он немного запнулся.

— Я знаю, родной. Я скучала по тебе каждую минуту, но осознавала, что должна оставаться сильной ради нас. Да и мир не дал мне сломаться: сейчас не принято оставлять человека в беде одного. Есть психологи, кураторы, поддержка.

— Ли сказала, что люди стали осознанными, но я всё еще не могу в это поверить, — улыбнулся он.

— Это правда, Майк. Все стали спокойнее, ответственнее. И жить стало гораздо комфортнее.

— А отец? Он не приходил?

Майку показалось, что на лице мамы отразилась короткая растерянность, но она сразу же исчезла.

— Давай не сейчас, ладно?

— А как там Джей и Эмма? — поинтересовался Майк, решив прервать неловкую паузу.

— Я уже сообщила им. Ребята сказали, что очень рады и скоро приедут. Не переживай, они не забыли тебя.

Небольшой груз как будто свалился с плеч, но всё же он хотел увидеть обоих и убедиться лично. Мама поднялась.

— Тебе нужно отдохнуть, иначе перевозбудишься.

— Я не устал, — Майк оборвался на полуслове, переосмыслив свои чувства. — Хотя да, голова немного тяжелеет от потока информации.

— Ложись, сынок, всё страшное позади, — она наклонилась и поцеловала его в лоб. — Теперь всё будет хорошо.

Майк лег, чувствуя, как упругая подушка принимает форму его головы. Мама вышла, тихо прикрыв дверь, и он остался один на один со своими мыслями. «А этот мир и правда идеальный, он дал маме то, чего ей так не хватало — покоя. Завтра придут друзья, и жизнь станет еще лучше». Но что-то беспокоило его в ее поведении. Он привык, что она постоянно изводится из-за него; она сама всегда твердила, что он — самое ценное, что у нее есть. Майк почувствовал себя эгоистом, но неужели правда у матери появилось что-то важнее, чем он? Он ждал, что мама развалится с первого взгляда как в фильмах. А она держалась… слишком собранно. Да, голос дрогнул, да, обняла — но не было того безумного облегчения, которое ломает людей в истерику.

С этой неприятной мыслью он закрыл глаза и провалился в сон.

Глава 5

Запах ударил первым — хлорка, лекарства, чужая усталость в воздухе. Потолок белый, но с трещиной; монитор пищит у самого уха. Не та палата?

Мама спала на стуле, подперев щеку ладонью — джинсовая куртка, спутанные волосы, тени под глазами. Это была не та спокойная и отдохнувшая женщина, которую он видел мгновения назад. Это была его настоящая мама.

Майк коснулся своего лица: гладкое, прям детское. На ладони — знакомый шрам.

За одну ночь люди так не меняются.

— Мам, — негромко произнес он.

Мать вздрогнула и мгновенно проснулась, будто ее ударили током. На лице читался явный недосып, но она сразу стала неожиданно бодрой.

— Майк, как ты? Ты слышишь меня? — голос ее слегка дрожал.

— Да, конечно, — с некоторым сомнением выдавил он.

— Боже, я так рада! — она обняла его и прижала к своей влажной щеке.

Он смотрел на неё и ловил себя на дурацком чувстве: будто внутри всё сжалось от несоответствия.

— Сколько… — он не знал, какой вопрос задать, чтобы тот не прозвучал глупо, — сколько прошло времени?

— Два дня, милый, — с беспокойством ответила она.

Два дня. Не семь лет. Кажется, он начинал понимать, что происходит, хотя это и казалось невозможным. В голове царил настоящий хаос. Как такое могло случиться? Если юноша никогда прежде не видел снов, то почему именно сейчас? Он всегда засыпал — и просыпался. Без картинок. Без историй. А тут у него в голове целый фрагмент жизни: люди, запахи, слова.

Да и уверен ли он, что это было сновидение? Майк часто слышал, как кто-то рассказывал о своих снах, и пытался вообразить, каково это. Раньше он представлял, что люди смотрят мультики в реальной обстановке. Но здесь он видел всё предельно четко, хоть это и вызывало недоумение. Но ведь это не могло быть правдой?

В палату вошел врач — молодой человек в очках и белом халате, на котором висел бейдж: «Оливер Дуглас — терапевт-аспирант».

— Вот и очнулся наш спортсмен, — он улыбнулся и начал светить небольшим фонариком в глаза пациенту.

— Где я? — спросил Майк.

— В городской больнице, у тебя сотрясение мозга. Считай, тебе повезло. После такой аварии отделаться лишь ударом по голове и не получить ни одного перелома — это, знаешь ли, редкость.

— Я думал, — парень сделал небольшую паузу, решая, стоит ли говорить это вслух, но решил не лгать и продолжил, — что прошло много лет.

— Такое бывает, друг мой, — врач кивнул и понимающе улыбнулся, — Мозг после сильного удара вообще ведёт себя непредсказуемо. Сны могут быть очень яркими и отчетливыми, это нормально. У меня однажды даже были галлюцинации — усмехнулся врач и подбадривающе подмигнул.

Майк хотел возразить, что у него никогда не было сновидений, но понял, что сейчас это вызовет лишь лишние вопросы, поэтому коротко ответил:

— Ладно.

— Значит так, сегодня у вас постельный режим, молодой человек, а завтра можно на выписку, — добавил доктор, отходя от кровати.

— Спасибо большое, доктор, — ответила за сына мама.

Врач забрал какие-то бумаги с тумбочки и покинул помещение.

— Мам, мне приснилось кое-что странное.

Она знала, что ее ребенок никогда не видел снов, поэтому заметно встревожилась.

— Так это правда? Но ты же никогда их не видел!

— Я знаю, но я видел это так, будто всё происходило на самом деле.

— Что ты помнишь? — аккуратно поинтересовалась мать. — Расскажи, что это было?

Майк сглотнул. Он не хотел пугать ее, поэтому решил обойтись без лишних деталей.

— Я как будто очнулся в больнице, но не в этой. Там была медсестра, которая сказала, что после аварии прошло много лет. И потом… потом пришла ты. — Он немного нахмурился, решая, стоит ли продолжать, но всё же закончил: — Ты выглядела по-другому: спокойнее, расслабленнее. Сказала, что просто помогает система.

Мама слушала, не перебивая, и чем дольше он говорил, тем сильнее менялось выражение ее лица. Оно становилось мягче от облегчения, что сын вообще может говорить, что он живой. Слеза медленно скатилась по ее щеке, и Майк в очередной раз убедился, насколько сильно она его любит.

— Врач прав, скорее всего, это из-за травмы, — сказала она осторожно, стараясь не обесценить его рассказ, — но я рада, Майк. Теперь ты тоже можешь видеть сны.

— Да, но это немного пугает, — тихо признался он.

— Конечно, я понимаю, у тебя никогда такого не было. Но постарайся успокоиться и не переживать, тебе сейчас вредны волнения, хорошо?

Майк кивнул в ответ.

— Ну ладно, я пойду поищу тебе еды, идет? — сказала она, направляясь к двери. — Тебе надо набираться сил. Не переживай, я скоро вернусь.

С этими словами она вышла из палаты. Юноша закрыл глаза, чтобы обдумать происходящее. Если он видел сон, то почему именно такой? Всё казалось настолько реальным, что не поддавалось сомнению. Он не просто наблюдал — он действовал. Ходил, дышал, слышал, чувствовал. Казалось, вкус бургера всё ещё остался на языке, а если он посмотрит в окно, то увидит тот же невероятный мир, ставший упорядоченным и продуманным.

В этот момент он услышал звук открываемой двери. Не понимая, почему мама вернулась так быстро, Майк открыл глаза. В палату вошла медсестра. И в это мгновение сердце будто остановилось. Это была она. Не просто похожая — та же самая. Те же темные волосы, правда, собранные теперь в небрежный хвост, а не в идеальный пучок. То же лицо. Она подошла к тумбочке и поставила бутылку воды. Она ещё не сказала ни слова — а он уже знал, как оно будет звучать.

— Привет, Майк, — произнесла медсестра, и он понял, что голос был тем же самым. — Как голова, не кружится?

Мурашки пробежали по телу, и он не мог выдавить ни слова, поэтому просто покачал головой.

— С тобой всё в порядке? — она протянула ему бутылку. — Возьми, выпей воды.

— Как тебя зовут? — чувствуя, как внутри нарастает шок, спросил он.

Она улыбнулась, видимо, заметив его недоумение, и ответила:

— Лилиан, можно просто Ли.

Глава 6

Он поднял руку и медленно провел ладонью по лицу. Кожа была гладкой, никакой щетины. Его мозг, обычно работающий четко и рационально, сейчас буксовал, пытаясь удержать в фокусе два образа одновременно. Первый был грубым, зернистым и болезненным: эта комната, усталая мама, шум больницы и пара дней, выпавших из жизни, как вырванная страница или просто долгая ночь. Второе видение казалось пугающе цельным и ярко стояло перед глазами: длинные белые коридоры, свежий воздух и спокойная атмосфера. И мать — отдохнувшая, внушающая умиротворение и уверенность. И Ли, рассказывающая о новом устройстве мира.

Он попытался объяснить всё рационально. После удара головой рассудок способен выкинуть что угодно. Перемешать лица врачей, наложить новые страхи и надежды, что-то забыть или, наоборот, вспомнить. Он мог бы в это поверить, если бы не один факт. Майк видел ее, не «похожую», не просто с таким же именем. Перед ним была та же самая девушка, что и в его сне. И пусть сейчас она выглядела не как модель с обложки, а казалась немного уставшей, это была она. То же спокойствие, такая же улыбка. Как она может существовать в его воображении в двух реальностях?

Ему захотелось закричать, позвать маму или врача, чтобы они растолковали, что происходит. Быть может, это тоже греза и ему надо проснуться? Парень взял бутылку воды и сделал несколько глотков просто для того, чтобы занять руки и почувствовать реальный предмет. Он хотел спросить: «Ты помнишь меня?», но понял, насколько это глупо. Как медсестра может не знать его, если он ее пациент? Рассказать про видение? Лучше не стоит, а то еще решит, что он сошел с ума, и оставит в лечебнице. Ли посмотрела на него внимательнее.

— Ты как вообще? Ориентируешься? Понимаешь, где находишься? — немного беспокойно, но заботливо поинтересовалась она.

— Да, я в больнице, была авария, — заторможенно ответил Майк. — А где мой телефон? Я хочу написать… друзьям.

— Не переживай, он у нас, сейчас принесу. А ты пока отдыхай и не напрягайся.

С этими словами Лилиан встала и, глядя на него скорее с любопытством, вышла из палаты.

Майк остался один, и мысли снова навалились на него. Самое логичное объяснение — он что-то видел или слышал, пока был в отключке, а сейчас просто запамятовал. Но как сознание могло стереть подробности и при этом создать целый мир, в котором он побывал? Он часто слышал, что сновидения нечеткие, расплывчатые, они быстро забываются. Но у него всё было иначе. Целая вселенная открывалась перед ним, и даже спустя время он прекрасно помнил каждую деталь. И самое главное — тот же самый человек. Если вымышленный мир еще был на реальный, хоть и с большими изменениями, то как объяснить появление одного и того же человека? Он точно знал, что никогда не видел эту девушку до этого. Или все же видел? Учитывая травму головы, сказать наверняка невозможно. Но даже если видел, то она явно не была для него кем-то близким, потому что они даже не знакомы.

Дверь снова скрипнула, и вошла мама. Она посмотрела на сына с тревогой, будто всё еще не веря, что тот пришел в сознание, и протянула завернутый гамбургер. А в сознании ли он?

— Держи, тебе надо перекусить, иначе совсем не останется сил.

Котлета. Огурчики. Соус, вытекающий со всех сторон сразу.

— Не торопись, — заботливо произнесла мать, — у тебя никто его не отберет.

Парень проглотил большой кусок и сказал:

— Я знаю, просто… — он задумался, как продолжить, потому что фраза «бургер неидеальный» звучала бы странно, и он, конечно, не хотел обидеть маму, старавшуюся найти его любимое лакомство. — Просто весь испачкался.

— Не переживай об этом, дорогой. Ты как? Голова не болит?

— Нет, всё в порядке… — и ему снова пришла в голову мысль, что проще выговориться, быть откровенным до конца. Это понравилось бы Эмме. Кстати о ней. — Я просто хотел написать Эмме и Джею.

— Джей уже знает. Он позвонил мне, когда ты не пришел к нему и не отвечал, я всё рассказала и попросила передать Эмме. Друг сразу спросил, где это случилось, есть ли там камеры и свидетели… в общем, как обычно.

— Да, это на него похоже.

— Он сказал, что заедет к тебе, когда ты будешь в норме.

— Хорошо. Мам, ты прости, но сейчас тебе самой надо отдохнуть. — Майк только сейчас осознал, что всё время его беспамятства мать провела рядом, и ощутил невероятную нежность. Он понимал, что ничем не может помочь, кроме как отпустить ее домой. — Ты сидела тут и даже толком не спала, можешь идти, со мной ничего не случится.

Она посмотрела на него и ответила:

— Ну хорошо, надеюсь, тебе снова приснится что-нибудь доброе, где мы оба будем счастливые и отдохнувшие, а завтра ты мне всё расскажешь.

Он кивнул. Слово «снова» застряло где-то под рёбрами — будто мама невольно дала разрешение уйти ещё раз в новый, загадочный мир.

Майк подумал, стоит ли говорить что-то еще из своего видения, и решил, что высказаться лучше, чем держать всё в себе.

— А еще ты рисовала… ну… там… во сне… — произнес он так, будто это было столь же невероятно, как полет в космос.

— Рисовала? — переспросила она. — Ничего себе! А ведь я действительно любила это, когда училась в колледже. Но это было еще до твоего рождения, я вспоминала о хобби, только когда ты был маленький и мы вместе раскрашивали картинки.

Майк почувствовал, как холодок пробежал по спине. Откуда его разум мог знать об этом?

— Это был хороший сон, Майк, — добавила она, сжимая его ладонь. — Может быть… это знак? Что всё наладится?

— Ты прав, мне и правда пора, — с этими словами она поцеловала его в щеку и стала надевать куртку.

— Хорошо тебе выспаться, мам.

— Увидимся завтра, — и с этими словами она покинула палату.

Буквально через несколько минут вошла Ли и протянула ему телефон.

— Десять минут, не больше, — строго сказала она, — а потом ложись.

— Договорились, — ответил Майк, — сейчас только сообщу друзьям, что всё нормально.

Медсестра посмотрела на него с подозрением, но потом улыбнулась:

— И даже не думай меня обманывать, я зайду проверить.

— Хорошо, — немного усмехнувшись, ответил он.

Майк нажал на экран. Тот вспыхнул, ослепляя в полумраке, и в сознание ворвались воспоминания о ярком свете фар. Он сразу увидел нескончаемые уведомления от Джея.

Ты где?

Ты куда пропал?

Ответь.

Мне нужно тебе кое-что показать.

Твоя мама всё рассказала, скорее поправляйся, я уже написал Эмме.

Парень вообразил Эмму, которая ворвалась в больницу и плачет над его телом.

Надеюсь, ты скоро поправишься, иначе я тебя прибью.

Напиши, как будешь на связи.

Майк почувствовал, что долгого разговора не выдержит: голова была настолько переполнена информацией, что он осознал необходимость сна.

Я жив, отделался только сотрясением, — напечатал он и добавил: — *Надеюсь, скоро увидимся*.

Отправлено. Прошло всего пару секунд, и юноша увидел, что сообщение прочитано. Джей уже печатал ответ.

Гуд, постараюсь приехать завтра, заодно покажу кое-что.

Майк привык, что приятель постоянно демонстрировал достижения: приложение, открывающее дверь, или баг в игре.

От Эммы пришло лишь одно сообщение.

Джей рассказал, что случилось. Очень за тебя переживаю, но уверена, что всё будет хорошо, главное — ты жив. Обязательно приду, когда разрешат.

P.S. Напишу за тебя эссе, но это в последний раз. Поправляйся скорее.

Рот невольно расплылся в улыбке. Кроме матери, Джей и Эмма были для него самыми близкими, и если они долго не виделись, он начинал скучать. Интересно, как бы они выглядели там, во сне, спустя семь лет? С этой мыслью он отложил телефон и закрыл глаза.

Темнота сразу окутала его. Привычная, почти родная. Майк расслабился и погрузился в небытие. Но затем он почувствовал запах свежести и услышал едва ощутимый гул. Он открыл глаза и увидел белый однотонный свет на безупречном потолке. Он поднял голову и увидел ее снова. Ни тени усталости, идеальный узел волос. Она смотрела на него с той самой мягкой улыбкой.

— Ну наконец-то, — сказала Ли, — я уже заждалась.

Майк провел ладонью по подбородку, почувствовал щетину и не понял: заснул он или проснулся.

Глава 7

— Сколько я спал? — задал юноша вопрос, глядя на Ли с большим подозрением.

Ему хотелось найти хоть какую-то трещину в этой безупречной реальности, но он понятия не имел, как это сделать.

— Несколько часов, — успокаивающим тоном ответила куратор. — Твоему организму нужен отдых, чтобы восстанавливаться. — Она заметила странное выражение на лице пациента и спросила: — Что-то не так?

— Это сон? — не думая о том, насколько глупым может показаться подобный вопрос, выпалил Майк.

— А как ты сам думаешь? Разве все выглядит, как сон? — Девушка сделала пометки в документах и продолжила: — Твоя мама заходила еще раз, но ты спал.

«Мама», — эхом отозвалось в его сознании. Это казалось невозможным, ведь он только что видел ее — ту, настоящую, заботливую, уставшую, в старой джинсовой куртке. Но случилось ли это на самом деле? Парень принялся анализировать произошедшее, пытаясь распознать, где видение, а где — подлинная реальность.

— Как ты отличаешь сон от правды? — поинтересовался он.

— Как правило, во сне мозг проецирует только то, что уже видел ранее, изменяя лишь поведение окружающих. Но это очень сложный вопрос. Даже сейчас, с развитием технологий, люди все еще путают сны с реальностью. Иногда видения настолько правдоподобны, что осознаешь, где ты находишься, только после пробуждения.

«В этом-то и проблема, — подумал Майк. — Что я не понимаю, когда именно просыпаюсь». Но если Ли права и сны показывают лишь то, что уже существует, то подсознание никак не могло создать такой огромный и невероятный мир, которого он никогда не видел. А значит, та мать была… Нет, нельзя делать поспешные выводы, когда в голове такой бардак. Сначала нужно во всем разобраться. Пока он не мог доверять Ли на сто процентов. Ему требовался человек, которого он знает давно, — тот, кто объяснит происходящее с логической точки зрения.

— Хотела сказать, Майк, что у тебя посетитель, если ты, конечно, готов его встретить, — оборвала его мысли девушка.

— Кто? — удивленно спросил он.

— Твой друг, Джей, — ответила она с улыбкой. — Идем, он уже ждет.

С этими словами она вышла из палаты. Майк, обувая кеды без шнуровки, ощутил искреннюю радость: возможно, старый товарищ поможет найти ответы.

Лилиан снова повела его по девственно белому коридору, где Майк чувствовал безопасность, смешанную с тревогой. Он шел и понимал, что этот идеальный мир пытается его соблазнить своим удобством и тишиной. Они вошли в тот же просторный холл с панорамным видом на город, и юноша заметил человека у окна. Тот обернулся.

Глупо было ожидать, что Джей не изменился. Майк увидел лучшего друга, который, очевидно, стал на несколько лет старше. Немного сутулый, как и прежде, с такими же длинными волосами, хотя теперь они не торчали во все стороны, а в одежде прибавилось аккуратности.

— Ты вообще охренел, Митчелл, — сказал Джей и обнял его. — Я всегда знал, что ты любишь поспать, но в этот раз перешел все границы.

Майк почувствовал знакомый запах энергетиков и чипсов и невольно улыбнулся.

— Только не говори мне, что ты не спал всё это время и ждал меня. В этот раз я не поверю.

— А ты совсем не изменился, дружище. Только выглядишь так, будто тренировался все эти годы.

— Кстати об этом, — Майк вспомнил свой давний вопрос, — как это возможно? Я думал, мышцы должны были атрофироваться?

— Даже семь лет назад врачи разминали пациентам конечности. А со временем появилась куча новых технологий. Ты и раньше не знал, как работает половина приборов, а теперь и вовсе нужно многое нагонять. Но не парься, я здесь как раз для этого.

Юноша и раньше считал Джея умнее во всех технических аспектах, а сейчас приятель казался ему настоящим гением. Но привычный для него гений изменился, стал не таким взбалмошным что ли, спокойным. Вероятно, вся спесь ушла за эти годы, должен же он был когда-нибудь повзрослеть.

— Как ты вообще? Как жизнь? Раньше ты мечтал взломать Пентагон, получилось или нет? Расскажи мне всё.

Друг усмехнулся.

— Это была лишь детская мечта. Оказалось, чтобы что-то взломать, нужно не так много. Ломать — не строить. А вот чтобы создать… — он сделал небольшую паузу. — Чтобы создать нечто стоящее, нужно действительно поработать головой.

— Ты можешь с ума свести. Что ты имеешь в виду?

— Если коротко, то я сейчас ведущий архитектор городских систем.

— Коротко не пойдет, давай подробнее, — попросил Майк.

— Я делаю так, чтобы окружение было умнее. Помнишь, как всё работало раньше? Машины ездили как хотели, светофоры работали вопреки логике, общественный транспорт — вообще загадка. Медицина, безопасность, ЖКХ, ресурсы… Каждая служба была самостоятельной единицей, из-за чего в городе царил полный хаос. Я понял, что неразбериху можно устранить.

— Как? — Майк слушал с невероятным интересом.

— Это надо увидеть. Идем, я покажу.

Они покинули здание через главный вход. Майк ожидал встретить охрану или металлодетекторы, но у дверей было пусто, и они распахнулись сами, приглашая окунуться в атмосферу порядка. Как только друзья подошли к проезжей части, тут же подкатил небольшой автобус. Юноша заметил, что водителя внутри нет.

— Контроль больше не нужен. Транспорт синхронизируется через GPS и едет самостоятельно. — Джей поднес браслет к турникету. — Горожане не пытаются обмануть систему, потому что знают: эти средства идут на развитие города.

Они плавно скользили по улицам.

— Смотри! — показал Джей на свободную дорогу впереди, — раньше ты стоял в пробке, потому что светофор горел красным для пешеходов, которых нет. Сейчас умные системы в реальном времени анализируют трафик. Более того, карты синхронизируются с обстановкой и распределяют потоки машин по самым выгодным маршрутам.

Майк незаметно для себя открыл от удивления рот. Он прилип к окну, как в детстве, когда мир казался огромным и удивительным. В этот миг он вновь почувствовал себя ребенком, который не сидит в смартфоне, а пытается понять, как всё устроено. Город был прекрасен: зелень парков, блеск стекол, чистота. Ни одного бездомного, ни грамма мусора. Они вышли у набережной. Свежий ветер коснулся лица. Майк раскинул руки, ощущая невероятную свободу.

— Посмотри на людей. Они просто гуляют, отдыхают, — продолжал Джей свою экскурсию. — Они больше не зависят от гаджетов. Им не нужно соревноваться, выставлять напоказ вещи. Они понимают, что в жизни есть ценности важнее дорогого телефона.

Майк посмотрел на прохожих и не заметил ни одного логотипа на одежде. Раньше он часто завидовал богатым сверстникам и не понимал, почему мир так несправедлив. Эти мысли всегда наполняли его грустью, но теперь, когда социальное неравенство исчезло, ушли и прежние обиды.

— А как же полиция? Ли говорила, что преступлений нет.

— Это самое поразительное, — ответил Джей. — Темные переулки освещены, есть камеры и дроны, но по факту всё это почти не нужно.

— Из-за людей? — догадался Майк.

— Да. Мы снизили уровень фонового стресса. Горожане перестали орать друг на друга в очередях, потому что очередей больше нет, как и переполненных автобусов. Люди перестали срываться, потому что мы убрали причины этих срывов. У каждого есть доступ к помощи, но она почти не требуется — мы предотвращаем беду в зародыше.

— Каким образом? — поинтересовался Майк.

— Мне удалось объединить всё в единое целое. Все коммуникации оснащены датчиками, отслеживающими потребление и прогнозирующими поломки. Проблема устраняется еще до возникновения. Также как и медицина научилась диагностировать сбои в организме заранее. Теперь все эти системы и составляют единый организм, мне лишь нужно поддерживать его состояние.

Майк пытался осознать услышанное. Лилиан твердила об осознанности, но, выходит, за всем стоят технологии? Он вспомнил, как часами ждал автобус до школы, как люди скандалили в поликлиниках, как они с матерью гадали над огромными счетами за свет. Кстати, о маме…

— Мама говорила, что ей стало гораздо легче жить, — тихо произнес он.

— Это и была моя цель! — с облегчением подтвердил Джей. Он был рад, что приятель пришел к верному выводу. — Ей и раньше приходилось несладко, а после того, как ты попал в больницу, на нее обрушилось слишком многое. Морально, — добавил он. — Тогда я понял: всё, что я делал раньше, было только для себя. И решил, что можно сделать лучше не только свою жизнь, но и все остальные. Ты же видел ее — радостную, спокойную. Разве ты не об этом всегда мечтал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.